

МАРГАРИТА ВАЛУА

КНИГА ПЕРВАЯ
ПРЕЛЕСТНАЯ ЮВЕЛИРША

I

Однажды вечером в июле 1572 года два всадника неслись по дороге, соединяющей города По и Нерак. Это были два очень молодых человека, и пушок над их верхней губой говорил о том, что им едва ли идет двадцатый год. Один из них был брюнет, другой — блондин. Первый носил волосы коротко остриженными, у второго на плечи ниспадал целый каскад белокурых кудрей.

Ночь была ясной и темной, одной из тех, какие бывают на юге. Звезды ярко сверкали на темно-синем небе, оставляя землю в глубоком мраке. Слегка повернувшись в седле и склоняясь друг к другу, всадники вполголоса разговаривали.

— Ноэ, милый друг мой, — сказал брюнет, — согласишься, что в такую теплую, ясную ночь очаровательно нестись по пустынной, молчаливой дороге!

— А знаете ли, Анри, — смеясь, ответил блондин, — это особенно хорошо тогда, когда покидаешь Нерак с наступлением глубокой ночи, чтобы направиться к хорошенькому замку, в котором имеется одно окно, открывающееся для вас с полуночи!

— Да тише же ты, болтун!

— Э, полно! — продолжал блондин. — Пусть я лишусь чести зваться Амори и пусть мой отец, сир де Ноэ, будет

объявлен человеком дурного происхождения, если вы уже целый час не стораете желанием, чтобы я произнес имя Коризандры, графини де Граммон!

— Ноэ, Ноэ! — пробормотал брюнет. — Ты самый отвратительный доверенный на свете! Ты беззаботно кидаешься именами, которые может подхватить придорожное эхо, а ведь надо же знать, какой тонкий слух у ревнивых мужей!

— А вот тот пункт, к которому именно и хотел прийти я! — заявил блондин.

— То есть как, чудак? Ты хотел бы...

— Я хотел бы, чтобы вы согласились, что вы чересчур отважны, Анри!

— Ну вот еще!

— Два раза нам повезло: один раз вы притаились за занавесом, когда граф неожиданно зашел к жене, а в другой раз вы провели ночь на ветвях ивы...

— Ну что же, это было летом, и я на славу выспался!

— Да, но вы должны знать, что граф, который так же уродлив, как ревнив, прикажет убить вас из-за угла, если у него не хватит решимости всадить вам кинжал в сердце своей рукой!

— Милый Ноэ, — сказал брюнет, — разве тебе не приходилось читать сказки моей бабки, Маргариты Наваррской?

— Конечно да. Ну и что?

— Там имеется одна сказка, в которую вложена интересная мысль о любви. «Любовь, — говорит Маргарита Наваррская, — это очаровательная страна, пока туда приходится добираться трудной, крутой, полной препятствий и капканов дорогой. Но в тот день, когда туда удается проложить отличную прямую дорогу, эта страна превращается в несимпатичную местность, лишенную притягательной силы».

— Вот уж, признаться, я не совсем понимаю это, — наивно заметил Амори де Ноэ.

— А я сейчас разъясню тебе, — прищпорил коня брюнет. — Моя бабка пользовалась риторическими фигурами, чтобы выразить следующее: трудная, крутая дорога — это, видишь ли, ревнивый муж, окно, открывающееся только

в полночь, кинжал наемных убийц, поджидающих нас в темном углу, ночь, проведенная верхом на ветви ивы. Ну а хорошо наезженная, большая дорога — это отсутствие всего перечисленного мною: то есть возлюбленная, которую навещаешь среди бела дня, спокойно оставляя лошадь у дверей; возлюбленная, которая без всякого страха называет тебя своим милым и охотно отдает то, что гораздо приятнее украсть!

— А вы, значит, не любите наезженных дорог?

— Я? — презрительно произнес Брюнет. — Да если когда-нибудь черт возьмет этого Граммона и Коризандра широко распахнет предо мной двери своего дома, я велю сказать ей, что не люблю таких помещений, в которые нет надобности проникать через окно, и боюсь навещать свою возлюбленную среди бела дня, так как рискую обнаружить у нее морщину на лбу, а то и целое бельмо на глазу!

— Аминь! — пробормотал Амори.

— Кстати, знаешь ли ты, что сегодня мы в последний раз отправляемся в Бомануар?

— Разве вы не любите больше Коризандру?

— Да нет, но завтра мы уезжаем отсюда!

— Уезжаем? — с удивлением переспросил Ноэ. — Но куда?

— Это я скажу тебе на обратном пути от Коризандры...

В этот момент лошади сами круто свернули с дороги и направились по боковой тропинке. Видно было, что они уже привыкли к этому пути и знали все его повороты. Действительно, через несколько минут они самостоятельно съехали с тропинки в густой кустарник и остановились там. Брюнет соскочил на землю, отдал повод своему спутнику, затем закутался в плащ, надвинул шляпу глубоко на глаза, проверил, легко ли вынимается из ножен кинжал, подвешенный к поясу, после чего быстро и легко пустился бежать среди молодой поросли.

Через четверть часа он дошел до стен замка. Впрочем, это был скорее деревенский дом, чем замок, так как лишь массивная дубовая, окованная железом дверь и пара громадных

пиренейских собак составляли всю охрану его обитателей, несмотря на то что в те времена были часты гражданские войны и политические смуты.

Брюнет осторожно обошел замок, пока не добрался до деревьев, росших около башенки. Здесь он приложил два пальца к губам и издал протяжный свист, после чего повалился на землю, стараясь, чтобы его не было видно среди густой травы. При этом его взор не отрывался от окон башенки, которые были темны, как и все остальные в этом доме.

Вдруг в одном из окон первого этажа башенки блеснул свет, но сейчас же потух. Молодой человек подошел к башенке. Окно, в котором до этого блеснул свет, открылось, к ногам молодого человека упала шелковая лестница, и он принялся взбираться по ней с ловкостью кошки.

Когда он поравнялся с открытым окном, оттуда протянулись две белоснежные руки и ласково втянули его в комнату, после чего лестница была вновь убрана обратно и окно закрылось.

— Ах, милый Анри, — пролепетал свежий голос, которому вложенная в него любовь придавала несравненную гармонию. — Ах, Анри, как поздно явились вы сегодня!

Товарищ Амори де Ноэ очутился в очаровательном гнездышке, именовавшемся молельней, но служившем в те времена будуаром. Алебастровая лампа излучала таинственный свет, освещая итальянские картины, флорентийскую бронзу, огромный восточный ковер и дубовую мебель двойной резьбы. В одно из этих дубовых кресел и села фея этого жилища, предусмотрительно убрав шелковую лестницу и закрыв окно. Молодой человек встал около нее на колени и взял ее руки в свои.

Это была женщина лет двадцати четырех, белокурая, словно мадонна Рафаэля, и белая, словно лилия, — северный цветок, пересаженный под пламенное южное небо, голубоглазый демон с иронической, насмешливой улыбкой нежных уст. Эту женщину звали Диана Коризандра д'Андруэн, графиня де Граммон.

— Диана, дорогая моя Диана, — прошептал юноша, целуя белые надушенные руки графини. — Почему вы так сурово сдвигаете свои милые брови и так укоризненно смотрите на меня?

— Но подумай сам, Анри, — улыбаясь, ответила она, — ведь теперь уже почти два часа!

— Это правда, любовь моя. Ноэ попадет от меня за это: он вечно заставляет меня дожидаться его.

— Ты вовсе не думаешь, Анри, о том, что теперь у нас июль месяц, когда в три часа делается уже совершенно светло, — продолжала молодая женщина, сопровождая свои слова нежным взглядом. — Ну подумай только, возлюбленный мой, ведь я погибну, если тебя встретят на заре в окрестностях Бомануара! Он убьет меня! — шепотом прибавила она. — Да и тебя он тоже не пощадит. Ведь если у него явится хоть малейшее подозрение, он не задумается убить тебя, хотя бы ты был тысячу раз принцем!

— Ты забываешь, Диана, что нам покровительствует божок всех влюбленных, — с улыбкой ответил Анри и продолжал, как бы подчиняясь внезапному приливу грусти: — Бедная Диана! Так ты не знаешь, что я пришел проститься с тобой по крайней мере на целый месяц?

— Проститься? Да ты с ума сошел, Анри!

— Увы, нет, дорогой друг мой, я уезжаю. Мать желает, чтобы я отправился в Париж к французскому двору...

— О, не ездь туда, Анри, не ездь! — с ужасом воскликнула графиня. — Ведь ты — гугенот, мой дорогой принц, и с тобой там случится что-нибудь дурное!

— Глупенькая! — ответил Генрих Наваррский. — Не бойтесь, ведь я еду в Париж инкогнито. Зачем — этого я не знаю. Завтра королева-мать вручит мне запечатанное письмо с инструкциями, но вскрыть его я имею право лишь в Париже!

— Все это крайне странно, — с задумчивым видом произнесла графиня. — Не может быть сомнений, что тут имеется какая-то политическая цель, которой мы и не подозреваем.

— Диана, красавица моя! — воскликнул принц. — Разрешите мне зажать вам рот поцелуем! Ведь в нашем распоряжении имеется всего какой-нибудь час, и жаль было бы потратить его на тщетные догадки!

— Ты прав! — сказала она, обвивая его руками.

Час быстро пролетел; вскоре на горизонте появилась беловатая полоса рассвета, и Генрих Наваррский, подобно Ромео, расстающемуся с Джульеттой, воскликнул:

— Боже мой, Диана! Вот и день...

Она снова обвила его руками, осыпала страстными поцелуями, заставила в сотый раз повторить клятвы вечной любви и потом прибавила:

— Слушай-ка, дорогой, ведь ты еще никогда не бывал в Париже?

— Как же! Восемилетним мальчиком...

— Ну, это все равно как если бы ты и вовсе не был там! Париж полон соблазнами и всяческими ловушками, и тебе необходимо иметь там верного, преданного друга. Для этого я дам тебе письмо к горожанину, с женой которого мы воспитывались вместе на моей родине. Видишь ли, дорогой мой, маленькие люди часто бывают нужнее и полезнее, чем большие, а этот горожанин предан мне всей душой и пойдет за тебя на смерть, если будет знать, что я люблю тебя. А если ты порастрясешь свой кошелек, то он даст тебе и денег, но не под ростовщические проценты, а только из желания оказать услугу.

— Значит, он очень богат?

— Очень. Это ювелир по имени Лорьо.

— Ну так что же, — ответил Генрих, — дай мне это письмо, и я отправлюсь к Лорьо, хотя бы лишь из желания поговорить с ним о тебе!

— Ты когда едешь, Анри?

— Завтра с заходом солнца.

— Вот и отлично, до этого времени я доставлю тебе рекомендательное письмо. А теперь до свидания, голубчик, становится совсем светло!

Графиня осторожно выглянула в окно, чтобы убедиться, что поблизости никого нет, а затем основательно привязала лестницу. Генрих Наваррский обменялся с нею последним поцелуем и быстро скрылся за окном.

II

Через неделю юный Генрих Наваррский в сопровождении Амори де Ноэ был уже на пути в Париж, снабженный инструкциями своей матери, Жанны д'Альбре, и письмом прекрасной Коризандры к подруге ее детства, жене ювелира.

В тот момент, когда наших героев застает этот рассказ, наступала ночь. Всадники ехали с самого утра, рассчитывая добраться до Блуа, где они хотели заночевать. По их расчетам, уже давно должны были показаться кресты блуарского собора, но они ехали и ехали, а все еще не было никаких признаков близости города. Между тем в воздухе чувствовалась гроза и небо было загромождено тяжелыми черными тучами, которые неминуемо должны были в самом непродолжительном времени просыпаться злейшим ливнем.

— Да ну же, Анри, — поторопил Ноэ, — подгоните свою лошадь. Нас сейчас застигнет гроза. Да и какая гроза еще! Моя лошадь уже дрожит подо мной!

— Вот еще! — возразил принц. — Ты достаточно хороший наездник, друг Ноэ, и сумеешь справиться с нею!

— Да, но я не люблю промокать...

— Летний дождь только освежает. К тому же наши лошади изнурены...

Сильный удар грома, заставивший лошадь принца взвиться на дыбы, прервал его речь. В то же время крупные капли дождя забарабанили по дороге.

— Дело в том, — пояснил Ноэ, — что, сколько я ни сморю вперед, я все не вижу ни крыши, ни трубы...

— Зато я вижу какого-то человека, который едет верхом.

— Его вижу и я, да ведь человек не то, что дом: под ним не укроешься от дождя и бури!

— Но человек может указать, где здесь поблизости имеется кров! — ответил принц, сейчас же обращаясь к проезжавшему с соответствующими расспросами.

Увы, в ответах, которые дал встреченный крестьянин, было мало утешительного. Блуа находилось от этого места по крайней мере в пяти лье, никакой деревушки поблизости не было, ближайшая гостиница располагалась в двух лье.

— Бедный Ноэ! — с комическим сожалением воскликнул принц. — Уж придется тебе промокнуть!

— А если надо укрыться от дождя, — сказал крестьянин, — то в нескольких минутах езды отсюда имеется на берегу Луары большая пещера, в которой вы отлично поместитесь с лошадьми!

Принц кинул крестьянину монету и дал лошади шпоры. Действительно, в последних проблесках вечера они вскоре увидели зиявшее тьмой отверстие большого грота. Сильная молния позволила им сориентироваться еще лучше. Ноэ первым въехал в пещеру, не слезая с лошади, и принц последовал его примеру. Почти сейчас же вслед за этим гроза разразилась со страшной силой. Удары грома и вспышки молний следовали друг за другом почти без перерыва, освещая блуарскую долину и будя спящее эхо. Всадники привязали лошадей в дальнем углу пещеры, а сами уселись на кучу сухих листьев, очевидно, собранную прежними гостями пещеры.

— Да! — произнес Ноэ. — Этот грот кажется мне прекраснее всех парадных комнат Нерака. Согласитесь, Анри, если бы мы располагали здесь добрым куском дичи и бутылью белого вина, то могли бы просто смеяться над грозой!

— О, я хотел бы лишь держать в своих руках белую ручку Коризандры! — со вздохом ответил принц.

Ноэ насмешливо свистнул, отказываясь разделять любовную тоску принца. Вдруг странные звуки, донесшиеся сквозь вой и грохот бури, заставили молодых людей оторваться от своих дум и броситься к самому краю пещеры. И как раз в то

время, когда они подбежали к выходу, сильная молния, сейчас же сменившаяся непрерывным рядом других, осветила им такую картину: по дороге неслась всадница, погонявшая свою лошадь ударами хлыста, а за нею летел догонявший ее мужчина, с заметным итальянским акцентом кричавший ей:

— Ну на этот раз ты не уйдешь от меня, красавица!

Молодые люди услышали крик отчаяния, и в тот же момент всадница обернулась, вытянула руку и выстрелила в нагонявшего ее мужчину из пистолета. Лошадь последнего поднялась на дыбы и сейчас же рухнула на землю, увлекая за собой и всадника. Преследуемая женщина прихлестнула свою лошадь и быстро скрылась во мраке.

Все это произошло так быстро, так неожиданно, что принц и его спутник не успели так или иначе вмешаться. Но когда они увидели, что всадник здоровым и невредимым встал из-под трупа убитой под ним лошади, Ноэ не смог удержаться от громкого смеха.

Незнакомец обернулся на этот смех и при новой вспышке молнии увидал пещеру, молодых людей, стоящих у ее входа, и двух лошадей, привязанных в углу.

— Клянусь Мадонной! — крикнул он. — Лошади! Это неожиданная удача! — И, не обращая внимания на назойливый смех молодых людей, он подошел к ним и окинул их пытливым взглядом опытного человека.

Принц и его спутник были одеты более чем просто. По камзолам из грубого сукна, фетровым шляпам без перьев и грубым кожаным сапогам их можно было принять за бедных дворян, едущих в Париж на поиски счастья. Поэтому незнакомец поспешил принять покровительственный вид и надменно произнес:

— А! У вас имеются лошади, плуты вы этакие!

— О да, — не менее надменно отреагировал принц, — в этом отношении мы счастливее вас!

— Вот что, — продолжал незнакомец, — я во что бы то ни стало должен догнать эту женщину...

— Это будет трудно, — в тон ответил принц.

— Разве ваши лошади недостаточно хороши?

— О, вполне достаточно! Только мы прибережем их для самих себя!

Наглая улыбка скользнула по дерзкому желтовато-оливковому лицу незнакомца, и он заявил:

— Ну, когда вы узнаете, кто я такой, вы не откажетесь продать мне одну из своих лошадей!

— Ба! Да уж не французский ли вы король? — насмешливо спросил Ноэ.

— Нет, но я гораздо выше короля!

— Выше короля? — рассмеялся Генрих. — В таком случае вы должны быть римским папой — только он выше короля!

— Я не папа, зато я фаворит королевы Екатерины Медичи!

— Ну это-то будет чуть-чуть поменьше короля! — ответил принц, которого забавляла надменность незнакомца.

— Вот что, милые мои провинциалы, — теряя терпение, заговорил незнакомец. — У меня слишком мало времени, чтобы тратить его на праздную болтовню. Выбирайте: или вы продадите мне одну из лошадей, за которую я заплачу вам столько, сколько вы пожелаете, или вы наживете во мне такого врага, который в самом непродолжительном времени отправит вас на виселицу. — Поскольку Генрих и Ноэ ответили громким пренебрежительным смехом, незнакомец обнажил шпагу и продолжал: — Или вам придется поиграть со мной вот этой игрушкой, господа!

— Батюшки! — оживился принц. — Это дело мне очень подходит! Я уже давно не фехтовал и буду рад поразмяться.

— Простите, Анри, — перебил Ноэ, — начать с этим господином должен я! Уж позвольте...

— Нет, я, — заспорил принц.

— Да ну же, поскорее! — нетерпеливо окрикнул незнакомец молодых людей. — Не препирайтесь, пожалуйста, хватит на вас обоих, мои задорные петушки! Меня зовут мэтр Рене Флорентиец, и должен предупредить вас, что я большой мастер шпаги!

— Так и я неплохой ученик, — усмехнулся Генрих.

Флорентиец не лгал, когда назвал себя мастером шпаги, и с первых же моментов сын Жанны д'Альбре убедился в этом. Но на стороне Генриха была юная эластичность и подвижность тела, отчаянная храбрость и редкое присутствие духа. Кроме того, отец Генриха, король Антуан де Бурбон, научил его всевозможным итальянским штучкам, и попытки Рене поймать принца на миланские или флорентийские финты сразу потерпели крах. Рене хотел вызвать своего противника на нападение, в котором легче уловить слабую сторону, но Генрих достаточно знал свои силы и упорно держался оборонительной тактики.

Фаворит королевы Екатерины начинал терять терпение, ведь каждая минута промедления все увеличивала расстояние между ним и женщиной, которую он так страстно хотел догнать, а потому, чтобы покончить со своим противником, он решился на знаменитую глиссаду. Но Генрих знал от отца, что итальянские мастера шпаги всегда прибегают к этому резкому выпад, стремительность которого зачастую парализует все попытки противника парировать удар, а потому был настороже, и, когда шпага Флорентийца прямой молнией сверкнула в воздухе, он успел отклониться в сторону. Клинок Рене встретил пустое пространство, а в это время принц изо всех сил ударил королевского фаворита рукояткой шпаги по голове, прибавив:

— А вот и мой ответ на глиссаду! Ответ недурен, не правда ли, мэтр Рене?

Итальянец глухо простонал и тяжело рухнул на землю. Ноэ бросился к нему.

— Не беспокойся, милый мой, — заметил принц, когда Ноэ положил сраженному свою руку на сердце, чтобы уловить, бьется ли оно. — Он жив, потому что удар такого рода не убивает, а только оглушает. Он просто в обмороке и через какой-нибудь час придет в себя.

— Анри, — позвал Ноэ, — вы слышали его имя? Ведь это Рене Флорентиец, парфюмер королевы-матери, злодей, смерть которого была бы только угодна Богу!

- Если это так, то я жалею, что не убил его.
- Ну, время еще не потеряно...
- Что такое? — спросил принц.
- Достаточно ткнуть его шпагой. Это могу сделать я, если вы брезгуете.
- Ноэ, ты что? Прикончить лежачего?!
- Змею всегда надо приканчивать, раз ее встретишь.
- Не спорю. Но змея, на которую наступаешь ногой, способна ужалить в пятку, а человек в обмороке даже и этого не может!
- Анри, — с тревогой произнес юный Амори де Ноэ, — у меня есть предчувствие, что этот человек сыграет страшную роль в вашей жизни, если вы не убьете его. Поверьте, когда-нибудь вы пожалеете, что не ткнули его шпагой в сердце!
- Ты с ума сошел, Ноэ!
- Нет, Ваше Высочество, нет! Слово завеса отдернулась предо мною, и я как бы читаю в будущем!
- В этом-то и заключается твоя ошибка! Гораздо лучше читать в прошлом, чем в будущем!
- Но почему?
- А потому, что в прошлом ты прочел бы, что меня зовут Генрихом Бурбоном, что я прямой потомок Людовика Святого и что я не из тех людей, которые добьют сами или позволят добить в своем присутствии беззащитного человека.
- Вы правы, — поникнул головой Ноэ. — Как досадно, что вы не уступили мне первой очереди драться с этим проклятым итальянцем! Уж я-то убил бы его!
- Однако гроза проходит, — заметил Генрих. — Едем, голубчик Ноэ! Голод страшно терзает меня!
- Они вывели лошадей и помчались, оставив при дороге бесчувственного Рене.
- Мне очень хотелось бы знать, — задумчиво промолвил Генрих, — кто была та женщина, которую преследовал этот негодяй. Она так ловко выбила его пистолетным выстрелом из седла! Но красива ли она? Молода ли? Вот что меня интригует!